

УДК 821.311.6 (111-16)
DOI 10.31494/2412-933X-2018-1-6-121-130

**The motive of absolute power
in contemporary British and Belarusian historical fiction**

**Мотив абсолютной власти в современной
исторической прозе Беларуси и Британии**

Olga Lidenkova,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor

Ольга Лиденкова,
кандидат филологических наук,
доцент

<https://orcid.org/0000-0001-8644-6406>

hollin7@gmail.com

*Francisk Scorina Gomel State
University,*

*УО “Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины”*

✉ 102 Sovetskaya St., Gomel,
Belarus, 246003

✉ ул. Советская 102, 246003,
Гомель, Беларусь

Original manuscript received September 17, 2018

Revised manuscript accepted October 12, 2018

ABSTRACT

Historical fiction nowadays is one of the most popular and sought-after genres both with critics and readers, and is represented by an ever-increasing number of very diverse works in both typological and stylistic aspects, which reflects modern searches in the field of artistic form. At the same time, serious positive changes are occurring in the perception of the genre by critics and academicians. In this connection, a comparative study of the texts of Belarusian and British authors with the aim of identifying both general and specific trends of the genre development for specific literatures is relevant. One of the important aspects of such a study is the defining of themes and motifs that are universal for the genre, and one of the most significant of them is the motive of power, which is not surprising, since it is the hierarchy that permeates the whole society, organizes and unites it.

The article focuses on one of the leading aspects, in which this motive generally manifests itself, namely the motive of absolute power. The comparative literary analysis is based on the works by H. Mantel, P. O'Brien, P. Barker, S. St. James, L. Rublevskaya, A. Arkush, V. Orlov, K. Tarasov, V. Kazko and many others. Concepts of the “golden age” and “ideal sovereign” as well as the consequences of personal transformations of the characters are traced and analysed. Special attention is paid to the methods of the deconstruction of the heroic images of the rulers of the past.

The connections are made between the motive of absolute power and the diverse artistic manifestations of historical trauma in the studied works. It is demonstrated how the theme of a “little man”, whose role is becoming increasingly important for modern authors, which, in particular, manifests itself in the complex interplay of the notions of “power” and “freedom”. Authors’ interpretations of the topic of power clearly reveal the increasing role of the ideological, axiological, philosophical component at the present stage of development of the genre, which is often expressed by means of parabolic imagery, symbolism, and free use of the category of time.

Keywords: *historical fiction, motive, authority, role model, utopia, historical trauma*

Введение. Мотив власти лежит в основе очень многих, если не большинства произведений исторической прозы, и отражает свойственный жанру постоянный поиск как истоков прошлых и нынешних национальных кризисов, и потрясений, так и постоянный поиск средств стабилизации и гармонизации общества.

Особая значимость мотивов власти в художественной литературе отмечается многими литературоведами, среди них В. Рагойша, О. Шинкоренко, П. Стендиш (Peter Standish), П. Хейс (Patrick Hayes), Дж. Бакли (Jennifer Buckley), Т. Пивлер (Terry J. Peavler) и другие, однако большинство подобных исследований касаются этой темы лишь в рамках творчества определенного автора ("Post-war British Fiction as Metaphysical Ethnography: 'gods, Godgames and Goodness' in John Fowles's *The Magus* and Irish Murdoch's *The Sea, the Sea*", "Power in literature and society: The "Double" in Gabriel García Márquez's "The Autumn of the Patriarch", "Power and Control in Mary Shelley's "Frankenstein"), либо ограничиваются упоминанием данного мотива в обзорных исследованиях литературы определенного периода ("Structures of Power: Essays on Twentieth-Century Spanish-American Fiction", "British Fiction and the Cold War", "Women's utopias in British and American fiction"). Целенаправленных компаративных работ, посвященных изучению мотива власти в исторической прозе практически нет, чем обусловлена новизна и актуальность данного исследования.

Статья посвящена изучению различных вариантов реализации мотива власти в современной исторической прозе белорусских и британских авторов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: выявить и проанализировать ключевые образы, сюжетные конфликты, бинарные оппозиции, в рамках которых осуществляется непосредственная внутритекстовая реализация данного мотива; проследить сходство и различие в акцентах в восприятии и отображения различных аспектов властных отношений между белорусскими и британскими авторами.

Методы исследования. Компаративное исследование текстов белорусских и англоязычных авторов проводилось с использованием типологического, сравнительно-сопоставительного, герменевтического методов.

Результаты. Власть в исторической прозе представлена как сложный многогранный феномен, включающий множество вариантов репрезентации, наиболее очевидный из которых – власть государственная. Жизненный путь политических лидеров – одна из самых популярных тем в исторической прозе. Ярко выраженный интерес к этой стороне феномена власти наглядно демонстрирует творчество белорусских авторов более старшего поколения (80-х 90-х годов XX века), где доминирует обращение к ключевым моментам и личностям национальной истории. Достаточно взглянуть на названия и тематику книг К. Тарасова ("Три жизни княгини Рогнеды", 1994, "Погоня на Грюнвальд", 1986), В. Чаропко ("Уладары Вялікага княства", 1996,

“Храм без бога” о гетмане Михаиле Глинском, 1992), Л. Дайнеко (“Меч князя Вячки”, 1987, “След ваўкалака” о полоцком князе Всеславе Чародее, 1988), О. Ипатовой (“Черная княгиня”, 1989), В. Орлова (“Дзень, калі упала страла” о полоцком князе Владимире, 1988, сборник “Сны імператара”, 2001), И. Шамякина (“Вялікая княгиня”, 1997) и многих других. Наиболее пристальное внимание вызывают не просто фигуры важных государственных деятелей, но тех, кто в различные моменты истории сосредотачивали в своих руках максимальную власть.

Повышенный интерес именно к власти абсолютной, деспотичной определяют несколько факторов. С одной стороны, именно такой правитель становится концентрированным персонифицированным воплощением самого этого понятия, что позволяет нагляднее исследовать как саму ее природу, так и последствия ее воздействия на человеческую природу в целом. Писателей интригует само осознание того, как ошибки, навязчивой идеи или слепой страсти одного-двух человек может быть достаточно для изменения судеб сотен тысяч людей, что единоличное решение, принятое столетия назад в какой-то степени определило не только прошлое, но настоящее и, возможно, будущее, в котором нам предстоит жить. Прямо, хотя и несколько упрощенно эту ситуацию формулирует, например, К. Тарасов в финале романа “Апошняя каханне князя Міндоўга”: *“Так загас род Міндоўгавічаў <...> А ці было б з усімі гэтымі людзьмі інакш, калі б князь Міндоўг не пакінуў Агну пры сабе?”* (Тарасаў, 2000).

Второй фактор – сам масштаб личностей главных героев подобных произведений. Свойственная жанру тенденция искать исторические параллели заставляет авторов сравнивать политические фигуры прошлого и настоящего как возможные ролевые модели.

Британская писательница Х. Мэнтел, дважды получившая Букеровскую премию за свои книги о временах правления Генриха VIII, справедливо замечает, что в прошлые эпохи (а для нашей страны даже еще несколько десятилетий назад) политическая карьера таила гораздо больше опасности. Цена ошибки и даже неосторожного слова – не отставка или скандал в СМИ, а жизнь. Поэтому писательницу так интригуют государственные деятели прошлого, она пытается понять, что могло заставить человека так рисковать? Почему бы не удовлетвориться жизнью помещика, торговца, горожанина и жить в комфорте: *“The stakes were so high then — an incautious word could ruin you <...> It’s one of the things that fascinates me about being a political animal in those days: part of you says, why would you risk it? Why would you not settle for life as a London merchant?”* (Mance, 2017). Сравнивая личность Томаса Кромвеля, главного героя ее трилогии, с *“narrow leaders in power today”*, Х. Мэнтел ищет в его истории возможные варианты ответа на вызовы с овременности: *“I think he was a rare creative spirit in government, I think he was much more than the king’s enforcer and this is what I seek to show through my novels <...> The fact that the range of reference of our leaders is so narrow is something that*

makes us very vulnerable and exposes us to other ideologies which we do not understand (Wood, 2017). Поэтому, когда Мэнтел нередко просят сопоставить фигуры Кромвелля и современных политиков, сравнение оказывается не в пользу последних: “Responding to a question about whether Cromwell could be likened to figures such as Jonathan Powell (Tony Blair’s chief of staff) and Campbell <...> she appeared unimpressed with the modern-day comparisons and said: “*Well, let me tell you about Jonathan Powell and Alistair Campbell: Thomas Cromwell would have eaten them for breakfast*” (Wood, 2017).

Современное поколение белорусских писателей в своих произведениях также все чаще отмечают эту тревожную слабость духа более поздних правителей, которая приводит к катастрофическим последствиям. Лейтмотивом становится идея о том, что прошло время великих героев и князей (некоего абстрактно-утопического “золотого века”), когда даже если один оказывался неспособным править, рядом всегда было достаточно тех, кто готов взять бремя власти на себя. Настало время людей осторожных, слабых личностей и слабых правителей, которые готовы пользоваться выгодой своего положения, но не готовы при этом ничем жертвовать и рисковать: “*Гэта для таго важна, усе гэтыя так званыя “перамогі”, хто ўлады хоча, кіраваць хоча іншымі. А яму апастылела кіраваць! З яго вось так хопіць кавалачка зямлі, наякім хатка памесціцца*” (Федарэнка, 20019: 256]. Той же философии придерживается король Людовик накануне французской революции в “*A place of greater safety*” Х. Мэнтел (даже название романа построено на соответствующей игре слов): “*When the King was not hunting, he liked to shut himself up in his workshop <...> He hoped that by refusing to make decisions he could avoid making mistakes*” (Mantel, 2009: 103). Но, как показывают произведения уже упомянутых авторов, подобная позиция неизменно приводит к усугублению кризисных тенденций и равнозначно отказу от контроля над собой и своей судьбой, как делают герои еще одного произведения с символическим названием “Ничье”: “*Але раз ужо выбар, дык сто разоў правы Лебедзеў — тады на баку мацнейшых! Каб хутчэй скончылася ўсё гэта. Каб хоць хто перамог нарэшце. І напляваць хто: немцы ці палякі, рускія ці беларусы! Галоўнае, будзе ціха. Будзе жыццё*” (Федарэнка, 2009: 257). Вопрос о возможности и перспективах подобной жизни автор оставляет открытым.

Мотив абсолютной власти в рассмотренных произведениях неразрывно связан с исследованием степеней внутренней и внешней свободы. В пространстве белорусских романов незримо присутствует концепция “железного занавеса”, когда понятия Европа – родина функционируют преимущественно в оппозиции “свобода-рабство”, а в описании родных реалий присутствуют выраженные черты военного дискурса, страна словно постоянно готовится отразить атаку незримых но вездесущих врагов, и за неимением реального противника воспринимает как предателей и потенциальных заключенных своих же граждан: “*Вахцёрка, што звычайна трымала абарону паміж двух*

сталоў-барыкад <...> на позніх гасцей нават не зірнула. “Еўропа! — сказаў здзіўлены Ведрыч. — Першы раз такое бачу. Ідзі, хто хоча, бары, што хоча...” (Федарэнка, 2009: 283).

Как закономерное проявление этой же накопленной травмы общественного порабощения герои постоянно страдают от ощущения, что ими играют, что все вокруг лишь спектакль, в котором им отведены не самые важные роли, а решения принимают не они сами, но кто-то невидимый и всесильный: *“І ён адчуў, як стаміўся ад <...> вечнага свайго актэрства ў гэтай занадта ўжо зацягнутай п’есе”* (Федарэнка, 2009: 390). Практически во всех произведениях Л. Рублевской встречаются образы кукловода: *“Нейкі батлейшчык тузануў за вяровачкі, і лялькі падскочылі і замітусіліся ў адчайных скаках”*; *“Што за лялькавод тузае за ніты ў гэтай пакутлівай гульні?”* (Рублеўская, 2014: 139), (Рублеўская, 2012: 99). В описании действий персонажей нередки сравнения *“як пешкі”*, *“нібыта парцэлянавыя лялькі”* (Рублеўская, 2012: 142). Распространен образ сломанной куклы или марионетки с перерезанной нитью, которая не умеет распорядиться свободой.

Властью наделены не только главы государств. Отличительной особенностью современной исторической прозы является то, что внимание авторов все более выражено смещается к отображению роли обычных людей, тех кто хотя не упоминается в хрониках, летописях и других документах, но тоже сыграл свою роль, иногда не в меньшей мере чем известные личности. Эта традиция внимания к простым людям заложена ещё одним из основоположников жанра, В. Скоттом. Он был одним из первых, кто в своих исторических балладах и романах сделал социальных невидимок – слуг, рабов – полноценными героями, действия которых во многом определяют исход важнейших исторических событий. Обычные жители в уже упомянутых произведениях К. Тарасова, В. Чаропки или Л. Дайнеко 80-х и 90-х гг., разумеется, тоже присутствуют и выведены, как правило, в отдельный параллельный сюжет. Однако их судьбы всегда вторичны и скорее служат как наглядная иллюстрация последствий поступков власть предержащих для их последователей или противников. Современные авторы, напротив, последовательны и даже радикальны в своей защите свободы личности, противостоянии угнетению и апологии простого человека, что частично проявляется в особом отношении к герою-изгою, маргиналу.

В исторических циклах Л. Рублевской, Х. Мэнтел писательницы прослеживают борьбу своих героев с массой общественных предубеждений, которые вынуждены преодолевать беглый сын кузнеца, солдат, купец и, наконец, друг и советник короля Кромвель или простой горожанин и бывший раб Ледник, ставший дворянином и выдающимся ученым. Жизненный путь персонажей сопровождают пронизанные здоровой долей иронии комментарии о природе предрассудков, человеческой готовности верить в самые невероятные теории заговора, но не признать право ближних быть лучше себя или бросить вызов условностям и социальному неравенству. Согласно слухам, Томас

Кромвель одновременно и ирландец, и преступник (что, судя по всему, одно и то же), и еврей и, наконец, колдун – как иначе объяснить его невероятную карьеру (вспомним, что и своего героя Л. Рублевская в глазах окружающих делает чародеем): “*Otherwise, it is the usual abuse. His father was a blacksmith, a crooked brewer, he was an Irishman, he was a criminal, he was a Jew <...> and now he is a sorcerer: how else but by being a sorcerer would he get the reins of power in his hand?*” (Mantel, 2010: 464). Как Ледник ничуть не стесняется своего простого происхождения, так и Кромвель раздражает герцога Норфолка отсутствием подобающего пиетета: “*My lord Norfolk says you enjoy being low-born. He says you have devised it so, to torment him*” (Mantel, 2010: 452). Обе писательницы придерживаются схожей концепции героя, которому – своеобразной архетипической золушке – дается шанс добиться признания благодаря таланту и заслугам, и на их примере мы видим возможность другого, гармоничного и справедливого общественного устройства. При этом, однако, авторы избегают идеализации исторических реалий: у Л. Рублевской роман изначально представлен как полуфантастическая фантасмагория, Х. Мэнтел намекает, что полноценно осуществиться мечты Кромвеля могут скорее как зыбкое видение, чем реальность: “*There is a world beyond this black world. There is a world of the possible. A world where Anne can be queen is a world where Cromwell can be Cromwell. He sees it; then he doesn't*” (Mantel, 2010: 336).

Уникальное по масштабности и глубине исследование власти на самых различных ступенях иерархии и общественного положения представляет собой двадцатитомный цикл П. О’Брайана “*The Aubrey-Maturin series*” о капитане Джеке Обри и его друге Стивене Мэтьюрине.

В отличие от большинства авторов так называемой мужской исторической прозы, он не ограничивается одной преобладающей моделью властных отношений (офицер-солдат, правитель-военачальник), но рассматривает их во всем возможном многообразии. Трудно найти более благоприятную среду для наблюдения человеческой природы, чем изолированный мир корабля в открытом океане, своеобразное государство в миниатюре: “*in many ships the captain played the part of a monarch and officers that of a court.*”; “*all ships were to some degree separate kingdoms*” (O’Brian, 1990: 112).

В фокусе внимания писателя все та же концепция абсолютной власти, но в более широком понимании. Среди его героев представители практически всех слоев общества: чиновники самого различного уровня, весь диапазон морских званий и должностей от адмирала до матроса, шпионы и контрразведчики, родители и дети, жены, мужья и любовницы – все вовлечены в сложное противостояние и борьбу за главенство, которая искажает даже лучшие стороны их характеров: “*for all his acumen JD is in danger of becoming an enthusiast - a latter-day Loyola*” (O’Brian, 1990: 92).

Мотив легальных прав и доминирования в семейных отношениях (на фоне формального главенства мужчин и правовой ограниченности

женщин) тесно переплетается с проблемой вмешательства в частную жизнь государства и государственных институтов, при этом автор последовательно выстраивает оппозицию личность (душа) – социальная роль (маска) и проследживает, как постепенно человек и человечность растворяются в начальственной роле, иллюстрируя авторскую аксиому *“authority is a solvent of humanity”: “look at any husband, any father of a family, and note the absorption of the person by the persona, the individual by the role. Then multiply the family, and the authority, by some hundreds and see the effect upon a sea-captain, to say nothing of an absolute monarch”* (O’Brian, 2007: 32). Доктор Стивен – соратник капитана Джека Обри – сам находясь вне общественной иерархии, представляет сторонний объективный взгляд на то, как меняется характер его лучшего друга на протяжении пути от командера до адмирала, и всех искушений, которые приходится преодолеть ему и его коллегам: *“I know few men over fifty that seem to me entirely human: virtually none who has long exercised authority. The senior post-captains here; Admiral Warne. Shrivelled men (shrivelled in essence: not, alas, in belly)”* (O’Brian, 1990: 41).

На многочисленных примерах О’Брайан демонстрирует, что власть родителей над ребёнком, чиновника над просителем, некомпетентного офицера на поле боя, капитана над командой так же абсолютна и провоцирует те же злоупотребления, что и власть любого древнего тирана над своими подданными, и при определенных обстоятельствах каждый из нас может стать жертвой *“dehumanising effects of the exercise of authority”* (O’Brian, 2007: 164).

Основной постулат П. О’Брайана о том, что маленькие люди также любят играть в тиранов и деспотов, как и наследственные монархи, и что разрушительная тяга человека к властвованию над другими неискоренима, находит отражение и в творчестве белорусской писательницы Л. Рублевской. Оппозиция главенства и подчинения – один из основополагающих мотивов ее произведений. В уже упомянутом цикле о Прантише Вьрвиче герой случайно покупает слугу, фактически раба, Ледника. Прантиш не обладает ни опытом, ни знаниями, ни выдающимися личными достоинствами и при этом намного младше своего новообретенного попутчика, однако, как только он сделка заключена и он осознает свою безусловную власть над доктором, куда-то исчезает романтичный студент, обремененный понятиями дворянской чести и справедливости: *“хацелася адлупцаваць паскуднага доктара, так, каб у нагах валяўся, падла”*; *“Не твая справа разважаць пра шляхецкую годнасць! Ды за такія словы я маю права табе галаву бязродную адсякчы!”* (Рублеўская, 2012: 58).

Объединяет авторов восприятие любой власти как губительной деструктивной силы, искушения: *“Вось і ўлада - падобная на віно, - казаў Рагвалод, - дурманіць слабую, маладую галаву <...> пачуеце вы смак загадаў, аблытаюць вас хітруны, ачарсцееце і пачыяце зайздросціць адзін аднаму пры поспехах, а потым ты, Брачыслаў, адмовішся слушацца Усяслава, і захочацца вам, каб рассудзіў вас меч”* (Тарасаў, 1997). В романах

О'Брайана власть – яд, убивающий в человеке, прежде всего, человечность, *“unless it so happens that he is immune to the poison”* (O'Brian, 2007: 74). Подобный же ход рассуждений встречаем у Л. Рублевской в портрете князя Радзивилла и прежде всего в видении того, как безусловно талантливый человек с огромным потенциалом превращается *“ў пачвару, якая пакутуе сама і мучыць іншых”*: *“І Пранцысь, які паслухмяна насіў за Лёднікам ягоны доктарскі сакваж, раптоўна пабачыў перад сабой іншага чалавека, таго, які б мог адбыцца — але застаўся толькі часткай натуры разбэшчанага дэспата. Чалавека дапытлівага, смелага ў здагадках, прагнага да ведаў”* (Рублеўская, 2012: 76). Причину подобной человеческой слабости автор не в последнюю очередь видит в сложившейся общественной культуре, порочных социальных практиках, которые в сочетании со слабостью человеческой природы делают искушение власти непреодолимым, и тот же Прантиш признает, что *“мог бы ператварыцца ў такога вась... дэспата? А што тут неверагоднага? Каб яму дасталася багатая спадчына, ды мітусіліся вакол адданыя слугі <...> Каб усе вакол казалі безупынна, які ён, Пранцысь Вырэйч, мудры, дужы, прыгожы... І любы капрыз зараз жа кідаліся выконваць”* (Рублеўская, 2012: 82).

В белорусской исторической прозе до сих пор чувствуется сильное влияние романтической традиции, заложенной В. Короткевичем, особенно в эмоционально-ценностной ориентации произведений Судьбы правителей для белорусских авторов – способ поговорить о вечных ценностях в противовес сиюминутной жажде власти, а акцент на трагическую судьбу героев – отрицательный пример-назидание для будущих поколений: *“Уладзімір! Яму хочацца перайначыць сэнс свайго імя - уладарыць светам, а не мірам. <...> Я кроў? А што яму чужая кроў, яна ў зямлю прасочыцца, дажджы я змыюць, курганы зарастаць палыном, а трызна на свежых курганах – адпачынак дружыны”* (Тарасаў, 1997).

Дидактизм, рассуждения об онтологических, религиозно-нравственных основах национального благополучия, отсутствие полутеней в различении добра и зла, когда величие правителя – это величие духа, счастье народа – служение людям, закон – защита слабого от сильного, опора на *“нябачныя каштоўнасці”* и религию (будь то христианство или язычество), все это характерные отличительные черты белорусской исторической прозы. Из нового поколения белорусских писателей наиболее последовательно короткевичскую традицию продолжает Л. Рублевская, хотя она и привносит в нее компонент игры и самоиронии. Но в целом новое поколение писателей (С. Балахонов, А. Наварич, отчасти А. Пашкевич) более склонны к сниженно-ироничному переосмыслению идеализированных героев прошлого, демонстрации опасности наивного идеализма и романтизированного восприятия истории и ее творцов.

Выводы. Как показывают вышеприведенные примеры, проблема абсолютной власти занимает значимое место в современной исторической прозе, причем тема личностного деспотизма развивается не только в сюжетах, посвященных судьбам государственных деятелей и политическим

интригам, но и в аспекте межличностных взаимоотношений героев. Несмотря на объективные расхождения в выборе материала, белорусские и британские авторы демонстрируют очень схожие способы репрезентации различных вариантов властных отношений. Общим является восприятие любой власти как искушающей губительной деструктивной силы, подчеркнутое несоответствие полномочий, меры ответственности, и достоинств, личных качеств правителей. Отличия гораздо менее значимы, и основное из них – акцент на юридический, правовой аспект гражданских отношений у британских авторов, когда даже деспотичные правители вынуждены *обосновывать свои действия* хотя бы видимостью суда и справедливости.

Литература

1. Mance, H. Novelist Hilary Mantel on Truth and Thomas Cromwell [Electronic resource] / H. Mance // Financial Times. – 2 June, 2017. – Mode of access: www.ft.com/content/39a6a2b4-4464-11e7-8d27-59b4dd6296b8.
2. Mantel, H. A Place of Greater Safety / H. Mantel. – HarperCollins UK, 2009. – 880 p.
3. Mantel, H. Wolf Hall: a Novel / H. Mantel. – Henry Holt and Co., 2010. – 532 p.
4. O'Brian, P. Master and Commander / P. O'Brian. – W. W. Norton & Company, 1990. – 464 p.
5. O'Brian, Patrick. H.M.S. Surprise / P. O'Brian. – HarperCollins Publishers Limited, 2007. – 361 p.
6. O'Brian, P. Post Captain / P. O'Brian. – W. W. Norton & Company, 1990. – 528 p.
7. Wood, H. Mantel's Last Cromwell Novel 'Likely to Miss Summer 2018' [Electronic resource] / H. Wood // The Bookseller. – 4 July 2017. – Mode of access: www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-alistair-campbell-breakfast-582211.
8. Рублеўская, Л. Авантуры Пранціша Вырвіча, Шкаляра і Шпега: Раман Прыгодніцкі і Фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Редакцыя Газеты "Звязда", 2012. – 269 с.
9. Рублеўская, Л. І. Авантуры студыёзуса Вырвіча: раман прыгодніцкі і фантасмагарычны / Л. Рублеўская. – Мінск : Звязда, 2014. – 320 с. – (Святло мінуўшчыны)
10. Рублеўская, Л. Забіць нягодніка, альбо гульня ў Альбарутэнію / Л. Рублеўская // Сутарэнні Ромула : раманы. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 520 с. – (Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў "Кнігарня пісьменніка"; вып. 26).
11. Рублеўская, Л. Сэрца мармуравага анёла: аповесці, раман / Л. Рублеўская. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2012. – 348 с.
12. Тарасаў, К. Апошняе Каханне Князя Міндоўга [Электронны рэсурс] / К. Тарасаў. – Рэжым доступу: knihi.com/Kastus_Tarasau/Aposniaje_kachannie_kniazia_Mindouha.html
13. Тарасаў, К. Тры Жыцці Княгіні Рагнеды [Электронны рэсурс] / К. Тарасаў. – Рэжым доступу: knihi.com/Kastus_Tarasau/Тры_жыцц_княгини_Рагнеды.html.
14. Федарэнка, А. Рэвізія / А. Федарэнка // Нічы: аповесці, раман. – Мінск : Мастацкая Літаратура, 2009. – 428 с.

References

1. Fedarënka, A. M. (2009). *Ničye: Apovesci ; raman*. Minsk: Mastackaja Litaratura.

2. Mance, H. (2017, June 2). Novelist Hilary Mantel on Truth and Thomas Cromwell. Retrieved from <http://www.ft.com/content/39a6a2b4-4464-11e7-8d27-59b4dd6296b8>
3. Mantel, H. (2009). *A place of greater safety*. London: HarperCollins Publishers.
4. Mantel, H. (2010). *Wolf Hall*. New York: Henry Holt and Co.
5. O'Brian, P. (1990). *Master and commander*. New York: W.W. Norton.
6. O'Brian, P. (1990). *Post captain*. New York: W.W. Norton.
7. O'Brian, P. (2007). *H.M.S. Surprise*. London: HarperCollins.
8. Rubleŭskaia, L. (2012). *Avantury Prantsisha Vyrvicha, shkaŭjara i shpeha: Raman pryhodnitski i fantasmaharychny*. Minsk: Redaktsiia hazety "Zviazda".
9. Rubleŭskaia, L. (2012). *Sutarenni Romula: Ramany*. Minsk: Knihazbor.
10. Rubleŭskaia, L. (2012). *Serts marmurovaha aniola : apovests i raman*.
11. Rubleŭskaia, L. (2014). *Avantury studyiozusa vyrvicha: Raman pryhodnitski i fantasmaharychny*.
12. Tarasaŭ, K. (2000). Apoŭniaje kachannie kniazia Mindouha. Retrieved from http://knihi.com/Kastus_Tarasau/Aposniaje_kachannie_kniazia_Mindouha.html
13. Tarasaŭ, K. (1997). Try Žycci Kniahini Rahniedy. Retrieved from http://knihi.com/Kastus_Tarasau/Try_zycci_kniahini_Rahniedy.html
14. Wood, H. (2017, July 4). Mantel's last Cromwell novel 'likely to miss summer 2018' | The Bookseller. Retrieved from <http://www.thebookseller.com/news/mantel-cromwell-he-would-have-eaten-a-laird-campbell-breakfast-582211>

АНОТАЦІЯ

Історична проза на цьому етапі є одним з найбільш популярних і затребуваних жанрів як серед критиків, так і серед читачів, і представлена все зростаючою кількістю дуже різнопланових як в типологічному, так і в художньому відношенні творів. Одночасно серйозні позитивні зміни відбуваються в сприйнятті жанру критиками і літературознавцями. У зв'язку з цим актуальним є компаративне дослідження текстів білоруських і британських авторів з метою виявлення як загальних, так і специфічних для окремих літератур тенденцій розвитку жанру, що відбиває сучасні пошуки в області художньої форми. Одним з важливих аспектів подібного дослідження є вивчення універсальних для жанра тим і мотивів, одним з найбільш значимих з яких є мотив влади, що невідомо, оскільки саме ієрархія пронизує усе суспільство, об'єднує його. У цій статті уперше проводиться комплексне компаративне дослідження мотиву влади в історичних творах британських і білоруських авторів. На матеріалі творів Х. Мэнтел, П. О'Брайана, П. Баркер, Л. Рублевской, А. Аркуша, В. Орлова, К. Тарасова і багатьох інших цей мотив розглядається в одному зі своїх головних проявів, а саме абсолютній владі. Досліджуються концепції "золотого століття" і "ідеального государя", простежується шлях особових трансформацій героїв. Окрема увага приділяється варіантам деконструкції героїзованих образів правителів минулого і темі "маленької людини", роль якої стає усе більш значимою для сучасних авторів. Виявляється зв'язок мотиву влади з різноманітними художніми проявами історичної травми в творах, що вивчаються, що, зокрема, проявляється в складній взаємодії понять "влада" – "свобода"

Авторські трактовки теми влади яскраво виявляють зростання у творах ролі ідеологічного, аксіологічного, філософського компонента на сучасному етапі розвитку жанру, що нерідко виражається засобами притчової образності, умовно-символічним прийомом, вільному обігу з категорією часу.

Ключові слова: історична проза, мотив, влада, ролева модель, утопія, історична травма